

Максимушка

Жанр произведения: О войне

[Произведение написал автор BookVox Виктор Кшнякин](#)

[Ссылка на публикацию](#)

На войне редко случается, чтобы обороняющиеся войска имели достаточно времени для подготовки своих позиций к отражению наступления врага. Особенно, если фрицы «ломаются» вперёд на колёсах и гусеницах: вбивают танковые клинья в нашу пехотную оборону; развивают успех, используя мотоциклы, бронетранспортёры и грузовики, набитые вояками; вовремя подтягивают свою артиллерию, которая не даёт покоя и возможности окопаться; «вываливают» тонны бомб на наши временные позиции, устраивая «лапотную» карусель в воздухе. Попадая в эти «жернова войны», испытываешь постоянный страх смерти, который в скором времени перерастает в свинцовую усталость и безразличие к опасности. Такое состояние нередко приводит бойцов к опрометчивым поступкам на поле боя, заканчивающихся плачевно.

Наш стрелковый полк, потрепанный в оборонительных боях последних недель, командование вывело в тыл на пополнение личным составом и вооружением.

Позиции полка заняли бойцы свежей дивизии, которые должны были сдерживать фашистов несколько дней. За это время в тылу маршевые роты не только должны пополнить поредевшие подразделения выведенных полков, но и создать позиции для обороны на берегу естественной преграды – местной реки, которая несмотря на небольшую ширину, имела глубину во многих местах до пяти метров и обрывистые берега. На левом берегу (сторона наступающего врага) растёт густой лес, опушка которого будет первой линией нашей обороны. На дороге, пересекающей лесной массив, сапёры должны сделать бревенчатые засеки, заминировать подходы и металлический мост над водой, установить на переднем крае заграждения из колючей проволоки.

На высоком правом берегу пехота зарывается в землю на второй линии обороны, но там будет тоже непросто воевать: местность открытая, без естественных укрытий. Блиндажи, щели, дерево-земляные огневые точки (ДЗОТы) и укреплённые брёвнами окопы полного профиля могут помочь сохранить жизни пехотинцам при артиллерийском обстреле или бомбёжке. Жить или не жить – военная лотерея-судьба к каждому бойцу и командиру поворачивается то лицом, то противоположной частью своего эфирного тела. Страшно умирать в расцвете своих сил в 20 – 30 лет, когда ещё недавно (по времени, но не по ощущениям) был полон надежд, мечтаний и планов, а потом металлические слова Левитана разделили твою жизнь на «до» и «после». Страна, которую ты любишь и клялся защищать, нуждается в тебе – командиру пулемётного отделения сержанте Олеге Марчуке.

Такие мысли пришли в мою голову, пока руки, сжимавшие сапёрную лопатку, оборудовали совместно с бойцами отделения очередную огневую позицию. Она была уже не первой, командир пулемётного взвода поставил задачу подготовить 2 – 3 позиции, с таким расчётом, чтобы максимально перекрыть секторами обстрела подходы к лесной просеке, по которой проходит дорога к мосту через реку. Лес в этом месте охватывал дорогу, как гигантской подковой, позволяя нашим подразделениям подготовить укрытия для создания «огневого мешка»: возможности обстрела наступающего врага с двух сторон. Фрицам некуда будет деваться: лес труднопроходим для танков и мотопехоты, которые будут вынуждены втягиваться в просеку и подставят борта для «кинжального огня» пушек и пулемётов.

В нашем отделении на вооружении состоит проверенный годами и боями пулемёт системы Максима, ласково именуемый бойцами «Максимушкой». Порой кажется, что оружие имеет свой характер и нрав: может выдать задержку при

стрельбе. Мои бойцы: первый и второй номера расчёта Иван Серов и Михаил Коровин, хорошо изучили «Максимушку», содержали его в чистоте и смазке, постоянно проверяли исправность частей пулемёта при его разборке, что привело к его безотказной работе в бою. Оба подносчика боеприпасов Марат Нигматулин и Дилшот Уразбаев занимались маскировкой других огневых точек. По окончании инженерных работ на переднем крае все бойцы принялись строить общее укрытие на период огневого налёта врага в небольшой естественной яме и схрон для коробок со снаряжёнными лентами и ящиками с патронами, а самое главное – для канистры с водой, которую нужно заливать в кожух пулемёта для охлаждения его ствола. Темп его стрельбы – 600 выстрелов в минуту, что приводит к быстрому нагреву оружия. Без воды наш «Максимушка» быстро вскипит и откажется стрелять.

Иногда приходит в голову, когда устаёшь от постоянного копания в нашей земле, что доведись вытянуть в одну линию километры отрытых нашими бойцами окопов, получилось бы расстояние не меньше, чем от Москвы до Урала, а из срубленных и обработанных деревьев можно было бы построить дома в нескольких больших посёлках. Это наша тыловая реальность, помогающая выжить в бою, ибо лень и нетребовательность командира к своим подчинённым оборачивается бедой, в первую очередь для них самих. Пока ребята рыли укрытия, я составлял карточки огня и прикидывал расстояния до полевых ориентиров с помощью бинокля. Это подготовительная работа командира отделения, помогающая в бою быстро переносить огонь и менять прицельные настройки. Огонь по врагу должен быть губительным и эффективным!

При составлении карточек огня перекинулся парой слов с расчётами бронбойщиков, вооружённых ружьями ПТРД (под патрон 14,5 мм), которые для нашего отделения, наряду с пехотинцами, были просто необходимы. Не пушки, конечно, но какая-то защита от панцеров и, тем более, от бронетранспортёров с фрицами. Условились о сигналах взаимодействия в бою, пожелали друг другу удачи и везения. Минут через пять в наши окопы прибыли командир и замполит нашей стрелковой роты. Вызвав командиров подразделений, комроты не просто отдал приказ о подготовке к обороне, но и сам лично прошёл через некоторое время по окопам и огневым точкам. Как он говорил нам неоднократно: «Подчинённым доверяй, но обязательно сам проверь исполнение приказа. При неудаче, останешься жив, спросят с тебя, как командира». Начальство придирчиво осмотрело наши укрепления, подсказало где нужно кое-что подделать, спросило о потребности и просьбах. Замполит поинтересовался самочувствием бойцов, перекинулся несколькими фразами с солдатами, забрал с собой написанные некоторыми воинами письма.

После их ухода минут через десять приехал на подводе старшина роты с бойцами хоззвода. Привезли в термосах обед. Командиры подразделений поочерёдно отпускали подчинённых с котелками к импровизированной кухне, чтобы работа на позициях полностью не останавливалась. Инженерное оборудование важно, но если живот подводит от голода, то и махать лопатой совсем не хочется. На сытый желудок и помирать легче! Эти простые солдатские истины, которые не все отцы-командиры помнят и соблюдают. Наш комбат не входит в их число, контролирует тыловиков, заставляет их «крутиться, как белка в колесе», снабжая передовые подразделения батальона всем необходимым. Бойцы, видя такое к ним отношение, уважают командиров и воют на совесть.

Пока обедали и перекуривали обстановка стала постепенно меняться в худшую сторону: в небе появилась немецкая «рама» - самолёт-разведчик. Появление этого вестника воздушной смерти грозит в скором времени налётом «юнкерсов», которые с жутким воем будут обрабатывать наш передний край. Повезёт, если наши «сталинские соколы» вылетят на перехват «лапотников», но в последние дни советские истребители появляются редко. Думаю, что воздушные бои последнего месяца проредили и наш лётный состав с материальной частью.

Быстро закончил свой обед и проверил наше укрытие. Мои подчинённые оказались на высоте: небольшой блиндажик с плащ-палаткой на входе был перекрыт двойным бревенчатым накатом (брёвна заготовили заранее), засыпан землёй и заложен дёрном для маскировки. Похвалил Марата и Дилшота, которые заканчивали работы, затем прошёл на первую огневую точку, где Иван и Михаил укрывали «Максимушку» мешковиной и закатывали в глубокую нишу на случай бомбардировки или обстрела. Лучше повозиться с выкаткой 60 килограммового пулемёта на позицию, чем подвергнуть опасности расчёт и бойцов в случае задержки в стрельбе по вине загрязнения или повреждения деталей на открытой позиции после взрывов вражеских снарядов или бомб.

Опасались мы не напрасно: не прошло и часа, как в небе показались вражеские самолёты. Командую всем укрыться, прячемся в нашем блиндаже. На наши позиции падают бомбы, воют штурмовики, дыбится в судорогах земля, валятся подрубленные осколками и взрывной волной деревья, на наши головы в касках струится песок с потолка укрытия. Жутко и страшно, кажется, что следующая бомба точно ляжет в наш схрон, оборвав жизни укрытых в земле людей. Момент, и нет уже тебя на этом свете, а на том есть ли продолжение? Вроде, рос Олег Марчук атеистом, презирал попов и церковь, а в эти жуткие минуты рука сама тянется перекреститься и лихорадочно вспоминаешь слова молитвы, слышанной

в детстве от бабушки в деревне.

Кошмар рано или поздно заканчивается. Взрывы бомб прекратились, вой затих. Осторожно выглядываем из укрытия: во многих местах дымятся воронки от взрывов, лежат поваленные деревья, дыбятся брёвнами развороченные блиндажи и окопы, бойцы выползают из щелей, откапывают заваленных землёй товарищей, тащат раненных и собирают тела погибших. Спешу на свою позицию, поднимаю бинокль в сторону врага и вижу на пределе видимости колонну танков и мотопехоты, впереди которой пылят по дороге мотоциклисты фрицев – передовой дозор. Стало понятно, что оборона стрелковой дивизии, которая сменила нас ранее, не выдержала натиска фашистов и была прорвана. Теперь настал наш черёд воевать с этими захватчиками. Подбежали номера расчёта, вытащили из ниши «Максимушку», осмотрели, доложили, что всё в порядке, выкатили на площадку, заправили ленту в коробку пулемёта.

Уцелевшие бойцы роты бегут в окопы, спешно подправляют свои стрелковые ячейки, проверяют оружие и гранаты. Вновь поднимаю бинокль: фашисты постепенно разворачиваются в боевую цепь. В первой линии десяток танков Pz III (орудия 50-мм) и несколько танков Pz IV, во второй линии – второй десяток Pz III (орудия 37-мм) и Pz II, спешивается мотопехота, разворачивается в цепь во второй линии машин, бронетранспортёры пока стоят на месте десантирования. Жарко придётся нам, вот бы огоньку подбросили фрицам наши артиллеристы. Словно услышав мои мысли, над головой засвистели снаряды из нашего тыла. В рядах наступающего врага взметнулись султаны взрывов, потом до нас долетел гул. Фрицы залегли, один танк опрокинуло, два взорвались от попадания снарядов. Остальные машины прибавили скорость, пытаются уйти из зоны поражения. Второй залп артиллеристов был не таким удачным: лишь один Pz II завертелся, потеряв гусеницу.

Пехота пока молчит, приказ комроты подпустить врага на дистанцию 500 – 600 метров, чтобы бронебойщики могли уверенно работать по панцерам, а остальные бойцы отсекают фашистов от их техники. Опасная тактика, казалось бы, орудия танков могут накрыть любую точку обороны, но наша задача направить вражеские машины в просеку по дороге к мосту, где их караулят расчёты «сорокопяток» и взвод Т-34 в оборудованной засаде. Гитлеровцы любят быстрые танковые прорывы, к тому же их командование, наверняка, поставило задачу захватить невредимым мост через реку. Будем держаться и, по возможности, громить врага! Наша позиция находится на левом фланге роты, удобно в том плане, что мы можем накрыть наступающих фрицев сбоку, но

танки первой линии придётся пропустить.

Расстояние до вражеской цепи быстро сокращается. Наши молчат, напряжение растёт, смотрю на своих ребят: Михаил поддерживает ленту с патронами, Иван прильнул к прицелу пулемёта, всматриваясь в приближающихся пехотинцев врага. Оглядываюсь назад: Марат и Дилшот достали зарядную машинку и комплектуют новые ленты патронами из вскрытых цинков. Молодцы! Мысленно благодарю снабженцев, подкинувших металлические ленты взамен матерчатых, патроны в которых трудно заряжать и выравнивать. Кругом тишина, только доносится гул танковых моторов, работающих на высоких оборотах. Кровь быстрыми толчками стучит в висках, лбы под касками вспотели, ладони гладят приклады винтовок и противотанковых ружей, готовых послать фрицам смертоносный привет от советского солдата. Хочется быстрее нажать на спусковой крючок, прервать тянущееся, как патока, время, которое после выстрела распрямится пружиной неумолимых боевых секунд, приносящих: то победный клич, то командный окрик, то смертельный хрип, то гаснущее голубое небо в глазах упавшего бойца.

Фашистские танк перевалили условный рубеж: вспыхнули выстрелы бронейщиков, три панцера с оборванными гусеницами завертелись на месте и встали, остальные сделали короткие остановки и огрызнулись пушечным огнём. Взрывы на позициях нашей обороны, новая попытка движения танцеров вперёд, новые выстрелы с других огневых точек. Ещё четыре танка получили повреждения, два из них задымились. Снова короткие остановки врага, выстрелы, взрывы. Вторая линия бронемашин подтягивается к месту боя, причём часть их доворачивает в сторону просеки, увеличивая скорость. Пехота фрицев уже не идёт, а бежит по полю, стараясь быстрее достичь наших окопов и добить обороняющихся в ближнем бою. Пора!

Даю команду расчёту на открытие огня. «Максимушка», словно застоявшаяся молотилка на току, завёл свою смертельную песню, посылая в цепь подошедшего врага веер пуль. Коса нашей ненависти сметала солдат в серых мундирах, прерывая их победное шествие по советской родной земле. Один из танков стал разворачивать в нашу сторону свою башню, но не успел выстрелить, словив удачный выстрел из ПТРД в борт. Это соседний расчёт бронейщиков прикрыл нас. Смотрю на окопы нашей обороны, куда доползли танки первой линии, а там в ход пошли противотанковые гранаты и коктейли Молотова, всё смешалось: машины, солдаты, взрывы и земля. Перевожу взгляд на вторую линию: в нашу сторону повернули 2 Pz III, сейчас будут подавлять огнём. Кричу

ребятам о смене позиции, они рвут горячий пулемёт с бруствера. Вовремя. Перед окопом гремит взрыв, осколки визжат, над головой, комья земли барабанят по плечам и каскам.

Меняем позицию, пусть фрицы думают, что уничтожили пулемётный расчёт. Проходит несколько минут, пока ребята докатывают и устанавливаю на новой огневой точке нашего «Максимушку». Пехота врага воспрянула духом, поднимается в рост, начинает движение к окопам на опушке леса. Командую расчёту открыть огонь по врагу. Ребята стреляют короткими очередями, выцеливая небольшие группы наступающих фрицев. Оглядываюсь в тыл, махнул рукой подносчикам боеприпасов, чтобы тащили снаряжённые ленты. Дилшот хватает два короба и, согнувшись под тяжестью патронов, короткими перебежками движется к огневой точке. Успеваает вовремя. Расчёт заправляет в пулемёт новую ленту, а в это время нашу позицию накрывает огневой налёт. Несколько взрывов оглушают бойцов, осколки секут всё подряд: ветки деревьев и кустарник, бруствер окопов, упавшие стволы, солдатские каски и тела.

Уразбаев падает в воронку, Коровин уткнулся лицом в бруствер, Серов стонет, откинувшись на стенку окопа, у меня звенит в ушах и запорошены землёй глаза. Стаскиваю с головы каску, мокрой от пота пилоткой вытираю лицо. Взгляд проясняется, а в каске торчит осколок. Вот почему в голове стоял звон! Ползу к ребятам. Осматриваю Серова: ранение в плечо и правую руку, достав упаковки с бинтом, пытаюсь перевязать бойца. Он стонет, но приходит в сознание и помогает мне перетягивать руку и плечо. Затем выглядываю из окопа, вижу метрах в пятидесяти группу вражеских пехотинцев, достаю пару гранат Ф-1 и, срывая кольца, поочерёдно бросаю их в наступающих. Гремят два взрыва, крики и стоны раненых ласкают истерзанный слух.

Проверяю Коровина, дыхания нет, на спине расплываются три кровавых пятна. Отвоевался наш весельчак Миша, больше не будет играть его баян, а бойцы не услышать частушки про бесноватого Гитлера и его бестолковое окружение. Посмотрел назад, Марат тащит на себе Дилшота, который похож на большую тряпичную куклу, разберётся сам. Осматриваю «Максимушку», есть царапины на щите и корпусе, но видимых повреждений, как на моей каске, нет. Лента с патронами ещё не кончилась. Смотрю в прицельную прорезь, ловлю движущихся фрицев и жму на гашетку. Пулемёт послушно выплёвывает свинец, разя супостатов. В мою сторону поворачивается башня танка, который стоит без гусеницы, сейчас будет выстрел, Валюсь на дно окопа, через секунду бруствер сносит взрывом, в ногах падает что-то тяжёлое (наверное, пулемёт

перевернуло), меня накрывает потоком земли, наступает тишина. Это конец!

Небытие длится некоторое время, затем снова появляется свет. Оказывается, Марат прибежал на позицию и откапывает меня. Рядом отстреливается из ППШ раненый Иван, не подпуская к позиции немцев. С трудом приподнимаюсь, стряхивая с себя землю, голова тяжёлая, наверняка, контужен, на глазах пелена, всё расплывается. Зато ощущаю, что руки и ноги целы, слушаются пока. Марат подполз к Серову, подал ему снаряжённый автомат, принял отстрелянное оружие, меняет диск. Зрение постепенно возвращается, начинаю слышать звуки продолжающегося боя: взрывы, выстрелы, крики и мат наших бойцов. Наш «Максимушка» лежит на дне окопа, станина разворочена, пробит кожух ствола, из дыр сочится вода, коробка механизма подачи патронов с большой вмятиной. Тоже отвоевался наш старичок.

Вытаскиваю свой ППШ из земли, стряхиваю, выглядываю за бруствер. Бой разбился на множество противостояний: рукопашные схватки пехотинцев, дуэли уцелевших бронбойщиков и танков; гранатные взрывы, полыхающие машины и горящие танкисты на броне, свист пуль и осколков, стоны раненых и множество тел погибших с обеих сторон. Присоединяюсь к огневой перепалке с фрицами, пытающимися обойти нашу позицию справа, стреляю короткими очередями. Вовремя заметил фашиста, попытавшегося бросить в нашу сторону гранату, «срезал» его на замахе. Через несколько секунд полыхнул взрыв, который поразил солдат в его группе. Поделом агрессорам!

Наступил момент, когда оставшиеся в живых гитлеровцы дрогнули и повернули вспять вместе с уцелевшими панцерами, отползающими назад. Танки огрызались огнём пушек и пулемётов, но отступали! Мы выстояли! Не пустили злобного врага дальше, заставили его понести потери и показали, что «лаптем щи не хлебаем», можем воевать не хуже хвалёных немецких бургеров. «Кишка тонка» оказалась у фрицев, победного марша после прорыва у них не получилось. Сегодня у нас маленькая, но победа! Стрельба постепенно утихает. Обе стороны будут «зализывать раны», хоронить убитых, эвакуировать и лечить раненых, восстанавливать боеспособность потрёпанных подразделений.

Мы в бессилии сползли на дно окопа, мокрые от пота и боевого возбуждения, перепачканные землёй и кровью, с дрожащими руками и слабостью в коленях, достали кiset с махоркой и кое-как сладили самокрутки. Закурили. Молчим. Думаем о погибших товарищах, о том, что сегодня смерть прошла рядом с нами, милостиво дав нам ещё время пожить. Закончив перекур, командую Ивану с

Маратом взять нашего «Максимушку» (оружие, пусть и покорёженное, нужно сдать старшине роты) и выдвигаться в тыл. Сам несёт автоматы бойцов.

Бредём по лесу. Кое-где бойцы роты, живые и легко раненные, бродят по позициям, выискивая уцелевших. Нам навстречу попадает пара подвод похоронной команды. Работы у них будет сегодня много, бой был страшный и кровопролитный. Мелькают девушки-санитарки, помогающие живым бойцам обработать нанесённые врагом раны. Возле нас остановилась «полуторка», на подножке замполит роты, голова перевязана, бинт в одном месте красный от крови. Спрашивает, не нужна ли нам помощь? Отказываемся, но прошу забрать раненного Дилшота, которого Марат укрыл в блиндаже. Замполит уточняет его расположение. Машина едет дальше. Молча идём к пункту сбора, который указал командир нашего пулемётного взвода ещё до начала боя. День клонится к вечеру, очередной день жестокой схватки с ненавистным врагом, топчущем нашу землю, пришедшим убить и поработить нас. Мы остались живы и сможем завтра снова громить его, бить, пока хватит наших сил!